

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Том 27, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук, академик АН Азербайджана, (Азербайжан, Баку)

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук (Казахстан, Астана)

С. Д. Атаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Киргизия, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук (Казахстан, Астана)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония, Токио)

Е. Смолари, Ph.D. (Германия, Бонн)

Х. Омархали, доктор философских наук (Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук (Россия, Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук (Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, доктор исторических наук (Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершнева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

А. В. Поляков, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук (Россия Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Россия, Челябинск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук (Россия, Новосибирск)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений.

© Оформление. Издательство Алтайского госуниверситета, 2022

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Vol. 27, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2022

The journal was Founded in 2007
The founder of the journal is Altay State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences,
academician of the Academy of Sciences of
Azerbaijan (Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)

S. D. Atdaev, candidate of historical sciences
(Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences
(Bulgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)

A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Nursultan)

M. Gantuya, Ph.D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, doctor of Humanities (Tokyo, Japan)

E. Smolarts, Ph.D. (Germany, Bonn)

Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany,
Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

A. P. Zabiako, doctor of philosophical sciences
(Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences
(Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences
(Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical
sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences
(Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences
(Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences
(Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate
of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

A. V. Baulo, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology
(Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor
of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kazan)

A. V. Polaykov doctor of historical sciences
(Russia, St. Petersburg)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences
(Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences
(Russia, Chelyabinsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

*Approved for publication by the Joint Scientific and
Technical Council of Altai State University. All rights
reserved. No publication in whole or in part may
be reproduced without the written permission
of the authors or the publisher. Registered with
the RF Committee on Printing. Registration
certificate PI № ФС 77-78911. Registration date
07.08.2020 г.*

Editorial office address: 656049, Altai region,
Barnaul, ul. Dimitrova, 66, office 312, Altai state
University, Department of regional studies of
Russia, national and state-confessional relations.

© Altai State University Publisher, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ
2022 Том 27, №3

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Сериков Ю. Б.</i> Махтыльский холм — древнее святилище на реке Сосьва	7
<i>Серегин Н. Н., Демин М. А., Радовский С. С.</i> Захоронение лошади раннескифского времени из урочища Карбан (Северный Алтай)	22
<i>Котеньков С. А., Пилипенко С. А., Попов К. Ю.</i> Зубная щетка из грунтового могильника Маячный Бугор-I (историко-археологический аспект и реконструкция)	34
<i>Ярков А. П.</i> Археологические исследования «исламских» памятников Северной Азии	51

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Копылов И. В., Хоменко Д. Ю.</i> Репродуктивная стратегия коренных народов Енисейского Севера в конце XIX — начале XX в. (по материалам священников-миссионеров)	70
<i>Степанова О. Б.</i> «Все люди — дети великого Корга»: медведь как квинтэссенция архаических взглядов на животное в мировоззрении селькупов	85
<i>Рыблова М. А.</i> Культурные заимствования в традиции донских казаков	99

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Ильин В. Н.</i> Российская антистарообрядческая государственно-конфессиональная парадигма 1666–1906 гг.	113
<i>Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Бичелдей У. П., Монгуш А. В.</i> Этнический и религиозный аспекты толерантности в Республике Тыва (по результатам социологического исследования)	122
<i>Дашковский П. К., Ожиганов А. Н.</i> Атеистическая пропаганда в Хакасии в середине 1960 — середине 1970-х гг.	144

ДЛЯ АВТОРОВ	162
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2022 Vol. 27, №3

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Sericov Yu. B.</i> Makhtylsky hill — an ancient sanctuary on the Sosva river.....	2
<i>Seregin N. N., Demin M. A., Radovskiy S. S.</i> Horse burial of the early scythian period from the Carban terrain (North Altai).....	22
<i>Kotenkov S. A., Pilipenko S. A., Popov K. Yu.</i> A toothbrush from the ground burial Mayachnyy Bugor-I (historical and archaeological aspect and reconstruction)	34
<i>Yarkov A. P.</i> Archaeological research of Islamic monuments in Siberia.....	51

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Kopilov I. V., Khomenko D. Yu.</i> Reproductive strategy of the indigenous peoples of the Yenisei North at the end of the 19 th — beginning of the 20 th century (by the materials of missionary priests).....	70
<i>Stepanova O. B.</i> “All people are children of the great Korg”: the bear as the quintessence of archaic views on the animal in the worldview of the Selkups	85
<i>Ryblova M. A.</i> Cultural borrowings in the tradition don Cossacks.....	99

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Ilyin V. N.</i> Russian anti-old believer state-confessional paradigm of 1666–1906.....	113
<i>Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Bichelday U. P., Mongush A. V.</i> Ethnic and religious aspects tolerance in the Republic of Tuva (based on the results of a sociological study)	122
<i>Dashkovskiy P. K., Ozhiganov A. N.</i> Atheistic propaganda in Khakassia in the mid-1960s — mid-1970s.....	144
FOR AUTHORS	162

УДК 39. 304.2

DOI: 10.14258/nreur(2022)3–07

М. А. Рыблова*Южный научный центр РАН, Волгоградский государственный институт искусств и культуры, Волгоград (Россия)*

КУЛЬТУРНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТРАДИЦИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ¹

В статье исследуются основные факторы, повлиявшие на процессы межэтнических и межкультурных коммуникаций на территории расселения донских казаков, и определяются их основные результаты. Исследование выполнено на основе метода сравнительного культурного анализа, при этом культурные процессы и межкультурные заимствования рассматриваются на общем историческом фоне заселения и колонизации Подонья. К основным факторам процессов межэтнических и межкультурных коммуникаций на Дону отнесены особенности территории их проживания, определяемые как фронтир и зона социальной аномии, а также традиция казакования, характерная для многих народов региона. С одной стороны, эти факторы способствовали активному взаимодействию разных народов, проживающих в Диком поле, с другой — не давали отдельным этническим группам замыкаться, способствуя постоянному творческому взаимодействию. Вместе с тем многие традиции донских казаков могут быть отнесены к так называемым культурным универсалиям, а не к результату культурных заимствований (например, особенности социальной организации, типы поселений и пр.). К числу основных результатов межэтнических коммуникаций в ранний период казачьей истории могут быть отнесены тюркские элементы в их традиционном жилище (курень, поземная система отопления), в мужской и женской одежде, пище и оружии. Активная колонизация края русским и украинским населением в XVII–XVIII вв. привела к появлению в казачьей культуре средне- и южнорусских и украинских элементов (типы жилищ, комплексы одежды, обрядность). Вместе с тем не находит никаких подтверждений мнение о том, что в обрядности донских казаков имели место северокавказские традиции.

Ключевые слова: донские казаки, межэтнические и межкультурные коммуникации, факторы фронта, социальной аномии и казакования, культурные заимствования.

Цитирование статьи:

Рыблова М. А. Культурные заимствования в традиции донских казаков // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 3. С. 99–112. DOI: 10.14258/nreur(2022)3–07.

---

¹ Работа выполнена в рамках реализации гос. задания ЮНЦ РАН на 2022 г. 0198–2021–0016 № гр. АААА-А20–120122990111–9.

M. A. Ryblova

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Volgograd State Institute of Arts and Culture, Volgograd (Russia)

CULTURAL BORROWINGS IN THE TRADITION DON COSSACKS

The article sets the task of determining the main factors that influenced the processes of interethnic and intercultural communications on the territory of the settlement of the Don Cossacks, and determining the main results of these processes. The study was carried out using the method of comparative cultural analysis, while cultural processes and cross-cultural borrowings are considered against the general historical background of settlement and colonization of the Don region, starting from the Late Middle Ages and ending with the XVIII century, when the main composition of the Cossack population of the region was finally formed. The main factors of the processes of interethnic and intercultural communications on the Don include, first of all, the features of their living area, defined in the early period of Cossack history as a frontier and social anomie, as well as the tradition of Cossacks, characteristic of many peoples of the region. On the one hand, these factors contributed to the active interaction of different peoples living in the Wild Field, on the other hand, they did not allow individual ethnic groups to close themselves, contributing to constant creative interchange. At the same time, many traditions of the Don Cossacks can be attributed to the so-called cultural universals, and not to the result of cultural borrowings (for example, the presence of a general assembly, elected offices, types of settlements, etc.).

The main results of interethnic communications in the early period of Cossack history can be attributed to the Turkic elements in their traditional dwelling (kuren, ground heating system), men's and women's clothing, food and weapons. The active colonization of the region by the Russian and Ukrainian population in the XVII–XVIII centuries led to the appearance of Middle and South Russian and Ukrainian elements in the Cossack culture (types of dwellings, clothing complexes, rituals). At the same time, there is no confirmation of the opinion that North Caucasian traditions took place in the rites of the Don Cossacks.

Keywords: Don Cossacks, interethnic and intercultural communication, factors of the frontier, social anomie and Cossacks, cultural borrowings.

For citation:

Ryblova M. A. Cultural borrowings in the tradition don Cossacks. *Nations and religions of Eurasia*. 2022. T. 27, № 3. P. 99–112. DOI: 10.14258/nreur(2022)3–07.

М. А. Рыблова — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южного научного центра РАН, профессор Волгоградского государственного института искусств и культуры. Волгоград (Россия). **Адрес для контактов:** ryblova@mail.ru.

M. A. Ryblova — Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Volgograd, Volgograd State Institute of Arts and Cultures, Volgograd (Russia). **Contact address:** ryblova@mail.ru. <http://orcid.org/0000-0003-1451-2579>.

Введение

Традиционная культура донских казаков уже в течение многих лет привлекает внимание представителей разных наук: истории, этнографии, этнолингвистики, фольклористики. К настоящему времени можно говорить о достаточно высокой степени научной проработки самых разных аспектов казачьей культуры, в том числе и связанных с выявлением отдельных иноэтничных элементов в их традиции [Рыблова, 2002; Логинов, 2003, 2008, Крайсветный, 2006]. Однако до настоящего времени нет ни одной работы, посвященной общему анализу заимствований в донской казачьей культуре и выявлению факторов их возникновения, в то время как именно эти процессы были положены в основу формирования донских казаков как особой этносоциальной группы.

Поиски иноэтничных элементов в традиционной казачьей культуре и использование их в качестве аргумента происхождения донских казаков от тюркских или северокавказских народов остаются характерной чертой как современных околонучных изысканий, так и некоторых научных работ [Абдиров, 2002; Крайсветный, 2006; Фалалеев, 2011]. Это обстоятельство также актуализирует проблему межэтнических и межкультурных заимствований в традиции донских казаков.

В настоящей статье будут выявлены основные факторы, повлиявшие на процессы межэтнических и межкультурных коммуникаций на территории расселения донских казаков, и определены их основные результаты в духовной и материальной культуре. При этом останутся вне поля настоящего исследования проблемы влияния на культуру донских казаков официальных государственных структур и городской среды, тем более, что отдельные аспекты этой темы уже были рассмотрены Т. С. Рудиченко [2019].

Исследование выполнено с применением метода сравнительного культурного анализа на основе уже имеющихся публикаций по культурным традициям донских казаков, а также личных наработок и полевых материалов автора статьи, собранных в 1983–2008 гг. При этом культурные процессы и межкультурные заимствования будут рассматриваться на общем историческом фоне заселения и колонизации Подонья, начиная с позднего Средневековья и заканчивая XVIII в., когда окончательно сформировался основной состав казачьего населения региона.

Фактор фронта в межэтнических коммуникациях на Дону

Наличие в культуре донских казаков значительного количества иноэтничных элементов связано в первую очередь с обстоятельствами и условиями формирования донцов в Диком поле. Диким полем русские письменные источники (летописи, разрядные книги) XV–XVI вв. называли лесостепные и степные пространства, северным рубежом которых была Ока, а южные пределы определяли сначала Рыльск и Путивль, а позднее (с конца XVI в.) — Курск, Белгород, Оскол, Царев-Борисов, Шацк [Платонов, 1937: 86–91]. После распада Золотой Орды эта территория оставалась неподконтрольной соседним государствам, а население было немногочисленным и пестрым в этническом отношении.

Исторически сложилось так, что Дикое Поле долгое время было также некой буферной зоной между степью и лесом, кочевниками и славянами, христианством и мусульманством. При этом границы «буфера» были размытыми, и это обстоятельство дало

основание исследователям относить его к так называемым фронтирным территориям. Термином «фронтир», впервые введенным в научный оборот Ф. Тернером [Тернер, 2009: 1–38], ученые обозначают территории, обладающие подвижными и как бы «пористыми» границами, которые не только разъединяют, но и соединяют приграничные зоны, способствуя взаимопроникновению разных культурных традиций, расположенных по обе стороны такой границы.

Наиболее отчетливо результаты межэтнических заимствований просматриваются в комплексах традиционной одежды донских казаков и оружия. О смешении разных традиций в мужском костюме казаков уже писали многие исследователи — и дореволюционные [Сухоруков, 1891: 114], и современные [Маслова, 1956: 636, 684; Логинов, 2003], отмечая наличие восточнославянских, турецких, татарских, польских, северокавказских и калмыцких элементов. В женском костюме смешение элементов разных этнических традиций в наибольшей степени представлено комплексом одежды низовых казачек, в котором сочетались имеющие восточные корни кубелек и шаровары и русские головные уборы — повойник и рогатая кичка [Маслова, 1956: 673].

Результатом влияния тюркских традиций следует считать и появление у донских казаков такого типа жилища, как курень. Курени не вписываются в восточнославянскую традицию, так как их внутренняя планировка была основана на расположении русской печи в центре — в отличие от диагональной планировки жилищ восточнославянских народов (с расположением печи в одном из углов и красного угла — строго по диагонали от печного устья). Показательно и то, что распространены курени были не на всей территории расселения донских казаков, а лишь в поселениях, расположенных ниже устья реки Медведицы. Выше этого рубежа казачьи жилища сооружались по восточнославянскому принципу: имели диагональную планировку (севернорусский и реже — южнорусский варианты) [Рыблова, 2002: 185–192, 235]. Это обстоятельство можно объяснить тесными контактами низовых казаков с тюркоязычными народами, а верховых — с русским населением приграничных территорий, откуда шла миграция на Дон.

Однако и в русском по планировке жилище донских казаков удалось обнаружить элемент, также в эту традицию не вписывающийся. В этнографических экспедициях 1980-х гг. нами была зафиксирована и подробно описана своеобразная система отопления, бытовавшая у верховых казаков и сооружавшаяся в жилищах русского типа. Мы назвали эту отопительную систему поземной, так как ее основу составляли: маленькая печка из сырцового кирпича, сооруженная в углу у входа, русская печь, стоявшая в противоположном от входа углу и вырытый в толще земляного пола дымоход (часто обложенный сырцовым кирпичом), соединяющий обе печи. Мне уже приходилось высказывать и обосновывать мысль о том, что такая система отопления была связана с монгольскими каналами, проникла в Нижнее Поволжье и Подонье в период монголо-татарского нашествия и укрепилась у местного населения [Материалы, 1987; Рыблова, 2002: 46–48, 159–160]. То обстоятельство, что поземная система отопления проникла в русское жилище верховых донских казаков, может свидетельствовать о том, что и на Хопре (именно там она была зафиксирована) также имели место тесные контакты между русскими и татарами, тем более, что имеются свидетельства исторических источни-

ков о случаях совместного их проживания в пределах одного городка или в непосредственной близости [Л., 1883].

К результатам межэтнических коммуникаций, активно проходящих на фронтальной территории казачьего Дона (в силу «пористости» ее границ), могут быть отнесены также многие элементы народной кухни донцов, связанные с самыми разными культурными традициями (*бурсаки, арьян, сюзьма, дулма, пилов, каймак, нардек* и др.).

Вместе с тем, попытки некоторых исследователей найти в духовной культуре донских казаков элементы тюркской или северокавказской традиций, как правило, не подтверждаются. Так, авторы учебника для высших учебных заведений, отметив, что многие обряды донских казаков напоминают обрядность северокавказских народов, в качестве примера дали описание родильного обряда у донских казаков. При этом сам обряд, действительно, полностью соответствует обычаям горцев (переселение женщины за месяц до родов в дом родителей, возвращение ее обратно с притороченной люлькой мальчика к седлу лошади, сбор родственников при внесении люльки в дом и пр.) [История донского казачества, 2008: 268]. Проблема заключается, однако, в том, что описанный обряд не имеет отношения к донскому казачеству: в распоряжении ученых нет никаких подтверждений его бытования.

Вместе с тем в качестве примера проникновения в культуру донских казаков восточных элементов можно привести традицию низовых казачек пить кофе, известную еще по источникам XVII в. и имевшую обрядовый характер: женщины собирались ежедневно в 12 часов дня небольшими компаниями, превращая питье кофе в женские посиделки-беседы [Полевые записи автора, 2011]. Исследователи связывали эту традицию как с турецким происхождением первых казачьих жен, так и с ранним развитием в Приазовье рынка восточных товаров [Социально-исторический портрет, 2012: 195].

Фактор «социальной аномии» и традиция «казакования»

Фронтальные территории также определяются некоторыми исследователями и как зоны культурного и социального вакуума, социальной аномии [Munch, 1974] или «семантической пустоты» [Щепанская 1995: 231–232]. Главная их особенность заключается в том, что они находятся вне юрисдикции и социокультурного диктата приграничных государств, а также нередко и вне зоны их контроля. И в таком случае перед теми, кто рисковал осваивать территории «социального вакуума», открывались заманчивые (хотя и не всегда безопасные) перспективы осуществления некоего социального эксперимента, связанного с отбором и применением в новых условиях «социальной пустоты» того, что невозможно было осуществить в местах так называемого исхода.

Применительно к донским казакам можно говорить о том, что они уходили на территорию «социального и культурного вакуума», лелея надежду на то, что там смогут приступить к созданию такой социокультурной модели, которая коренным образом отличалась бы от оставленной дома. Составной частью такого социокультурного эксперимента был сознательный отбор членами казачьих сообществ тех культурных традиций (расположенных по разные стороны границы), которые в наибольшей степени способствовали их выживанию в экстремальных условиях Дикого поля (бывшего в ранний период казачьей истории территорией постоянной войны), а также соответство-

вали их социальному идеалу — вольных казачьих сообществ. Традиция «казакования» не могла не повлиять на идущие в Диком поле процессы межкультурных коммуникаций.

Советскими и российскими учеными давно доказано, что донское казачество формировалось не из беглых холопов и крепостных крестьян, а из представителей военных категорий населения Руси и сопредельных территорий. Создаваемые ими сообщества представляли собой мужские военизированные организации, а сам тип таких организаций был широко распространен во многих традициях: европейских, тюркских, северокавказских (ср. *полевание* у русских, *наездничество* у кавказских горцев, *казаклык* (казакование) у тюркских народов). Это обстоятельство, в свою очередь, открывало возможности для широкого заимствования такими сообществами друг у друга социальных и культурных форм: военной и социальной организации, оружия, методов и способов ведения войн (на море и суше) и пр.

Вместе с тем нужно понимать, что некоторые черты военизированных сообществ (казачьих и близких к ним) могут быть отнесены к так называемым культурным универсалиям. Многие социальные формы и культурные элементы такие сообщества не заимствовали, а возрождали в ходе того самого «социального эксперимента», обращаясь к опыту архаики. Речь идет в первую очередь об элементах так называемой военной демократии, многие черты которой были универсальными: например, военизированный образ жизни, наличие общего собрания членов организации, выборность должностных лиц и пр. Это обстоятельство необходимо учитывать при попытках найти социокультурные аналогии традиций донских казаков в северокавказской или тюркской среде.

Так, некоторые исследователи настойчиво ищут истоки происхождения донских казаков в среде народов Северного Кавказа или Великой Степи, опираясь на такой аргумент, как наличие определенных сходств в социальной или культурной сферах жизни тех и других [Крайсветный, 2006]. Между тем, наличие сходных элементов (в первую очередь связанных с особенностями социальной организации) у казаков, например у черкесов (адыгов), можно объяснить отнюдь не происхождением первых от последних, а тем, что у разных народов существовали мужские военизированные союзы и традиции казакования.

И в таком случае, попытки связать демократические традиции казачьих сообществ Дона (наличие общего собрания членов сообщества, выборность всех должностных лиц, возможность смещения предводителей по решению собрания и пр.), например, с адыгскими мужскими союзами [Крайсветный, 2006], может оказаться не столь уж убедительной. Все эти элементы (вплоть до выборности двух предводителей — для мирного времени и на период военного похода) известны у массы народов обширного евразийского пространства, а также у коренных народов Северной Америки, находящихся на стадии так называемой военной демократии. Речь в данном случае, скорее всего, должна идти не о культурных заимствованиях, а о культурных универсалиях.

То же самое можно сказать и о высоком статусе стариков в донских казачьих сообществах, отличным от положения стариков в русских крестьянских общинах и семьях, где они после снятия с себя функций «большаков» (глав семей) часто оказывались в подчиненном положении [Рыблова, 2007: 216–222]. Вполне возможно, что и в данной

ситуации мы имеем дело с культурной универсалией, а не с прямым заимствованием казаками культурного опыта северокавказских или тюркских народов. Так, Ю. Ю. Карпов на материалах Северного Кавказа писал о том, что опыт стариков оказывался особенно востребованным именно в молодежных мужских организациях (союзах) [Карпов, 1996: 136–142].

Скорее всего, именно к числу таких культурных универсалий может быть отнесена и круглая (или приближенная к кругу) форма ранних поселений донских казаков [Рыблова, 2002: 35–37]. Круговые (куренные) поселения были известны многим народам древности и Средневековья: аланам, печенегам, половцам, монголам [Типы традиционного жилища, 1968: 286], народам Северного Кавказа [Карпов, 1996: 65] и были связаны с сообществами, имевшими социальную структуру, предполагавшую относительное равенство ее членов. По такому же (куренному) принципу была создана Запорожская Сечь. И в таком случае речь должна идти не столько об этнических, сколько о социальных истоках структуры ранних казачьих городков. Именно такая модель идеально соответствовала принципам равенства и братства, определявшим жизнь мужских казачьих союзов в ранний период их истории. Позднее, с усилением социальной неоднородности казачества, этот принцип строения их поселений будет изменен.

Особенности колонизации края и влияние общерусских традиций

Существенную роль в налаживании особых межэтнических отношений на Дону сыграла и специфика освоения и заселения его в XVII–XVIII вв. русским и украинским населением. Историки уже воссоздали картину постепенного заселения Донского края в это время, показав основные направления колонизации и выделив ее этапы [Пронштейн, 1961; Рябов, 1988; Мининков, 1992, 1998]. Так, уже на рубеже XV–XVI вв. на Дон стали продвигаться выходцы из Великого княжества Рязанского. В начале XVII в. сюда устремляется миграционный поток из различных, порой значительно удаленных от Донской земли, уездов — Костромского, Ярославского, Каширского и др. [Рябов, 1988: 16]. После подавления движения под предводительством С. Разина стало расти число переселенцев из южных уездов страны, граничащих с землями донских казаков, которые шли теперь уже большими группами, со скотом и сельскохозяйственным инвентарем. Заселение Дона в XVIII в. шло преимущественно из Воронежской, Тамбовской, Рязанской, Пензенской, Нижегородской, Курской и Орловской земель [Пронштейн, 1961: 41].

С XVII в. общины донских казаков пополнялись также за счет выходцев из Украины — украинских крестьян и запорожских казаков. Их массовое переселение на Дон началось после освободительной войны 1648–1654 гг. и продолжалось непрерывно в течение всего XVII в.

Таким образом, в формировании донских казаков в XVII–XVIII вв. приняли участие преимущественно выходцы из средне- и южнорусских губерний. Именно их традиции в наибольшей степени будут проявлены впоследствии в культуре донских верховых казаков. Некоторое украинское влияние исследователи обнаруживают и у верховых, и (особенно) у низовых казаков. У верховых казаков средне- и южнорусские традиции в наибольшей степени обнаруживаются в типах жилищ. Здесь были распростра-

нены такие типы жилищ, как *хаты*, *протяжные хаты*, *пятистенки* и другие с южно- и среднерусской внутренней планировкой.

Южно- и среднерусские русские традиции отмечены также в комплексах женской одежды (с поневой, сарафаном, сукманом и юбкой). Так, распространенный у донских казаков комплекс с поневой имеет южнорусское происхождение. А сарафаны донских казаков относятся к так называемому московскому (среднерусскому) типу [Яковлев, 1916: 57]. По мнению этнографов, вместе с волнами украинских и южнорусских групп населения, вошедших в состав казачества, на Дон, Нижнее Поволжье и Кубань проникла и полосатая юбка-*андарак* [Лебедева, Маслова, 1967: 200]. При этом в качестве нательной одежды у верховых казаков были распространены типично великорусские рубахи: с плечевыми вставками-*поликами* и характерной вышивкой [Богачев, 1919: 465]. Типичными чертами нательных рубах казаков-мужчин был их туникообразный (архаичный) крой и горловой разрез не сбоку, а посередине. При этом в верхней одежде казаков по-прежнему сохранялись иноэтничные по происхождению элементы одежды (*азям*, *архалук* и др.). Влияние северокавказской традиции было проявлено в первую очередь в широко используемых казаками видах холодного оружия.

Материалы по свадебной обрядности донских казаков и сопоставление их с традициями других территорий России показывают, что донская свадьба имеет южнорусскую основу. По оценке специалиста по донской свадебной обрядности Т. Е. Гревцовой, она соотносится с основными местами исхода переселенцев на Дон в XVII–XVIII вв. Значительное влияние на нижнедонские обряды оказали традиции малороссийских крестьян, при этом украинские элементы проникали и в районы Среднего и Верхнего Дона. Отдельные черты локальных вариантов донской свадьбы обнаруживают параллели и со свадебными традициями Русского Севера.

Значительное число южнорусских элементов, а также некоторое количество украинских обнаруживается и в календарной обрядности донских казаков. Будучи чрезвычайно самобытной, связанной с воинскими традициями, в той части, которая в большей степени соотносилась с разными женскими возрастными группами, она демонстрирует устойчивую южнорусскую основу: святочные обходы домов, весенне-летние хороводы, троичские кумления девушек, обрядовый фольклор и пр. По всей видимости, украинские корни имел обряд Проводов Фомы, совершаемый казачками в понедельник Фоминой недели и обнаруживающий множество параллелей с обрядом «ловить Хаму», известным в украинских селениях Нижнего Поволжья [Рыблова, 2016: 100–112].

Говоря о культурных влияниях, обнаруживаемых в духовной культуре донских казаков, нельзя не упомянуть мнение М. И. Крайсветного о том, что на Дону был распространен культ груши-дички, заимствованный казаками у адыгов и связанный с языческим божеством Сеозересом [Крайсветный]. Однако, несмотря на то, что груша-дичка на Дону росла повсеместно, она никогда не была связана с каким-либо ее почитанием, наличием обрядовых действий, которые могли бы свидетельствовать о наличии ее культа. Кроме того, не соответствует действительности и утверждение исследователя о том, что груша никогда не упоминалась в связи с обычаями восточных славян. Образ груши/грушицы, не имеющий никакого отношения к мужскому языческому божеству,

а символически связанный с девушкой-невестой, хорошо известен и у донских казаков (например, некрасовцев) [Песенное наследие], и в общерусской традиции [Золотые россыпи, 2009: 282–283].

Заключение

Таким образом, к основным факторам процессов межэтнических и межкультурных коммуникаций, активно проходивших на территории расселения донских казаков вплоть до конца XVIII в., могут быть отнесены в первую очередь особенности зоны их проживания, определяемые в ранний период казачьей истории как фронт и социальная аномия. С одной стороны, эти факторы способствовали активному взаимодействию разных, проживающих в Диком поле народов, с другой — не давали отдельным этническим группам замыкаться «в себе», способствуя постоянному творческому взаимодействию. То обстоятельство, что Дикое поле долгое время не контролировалось ни одним из расположенных по разные его стороны государств, давала его обитателям возможность осуществления своеобразного социального эксперимента, основанного на построении здесь таких организаций, которые отвечали духу воинского братства и традициям казачества.

Сама по себе традиция казачества предполагала возврат к социальной архаике и возрождение норм и принципов так называемой военной демократии, что обусловило наличие многих общих черт у разных народов, населявших в Позднее Средневековье Дикое поле и сопредельные территории. Далекое не всегда эти принципы и элементы были связаны с прямым заимствованием, например, наличие общего собрания, выборных должностей и пр.), а могут быть отнесены к культурным универсалиям. Универсальным, связанным с особенностями социальной организации, можно назвать и концентрический (куренной) тип построения ранних казачьих поселений (городков), известный также у многих соседних народов, и сами принципы построения донского казачьего братства.

К числу основных результатов межэтнических коммуникаций в ранний период казачьей истории могут быть отнесены тюркские элементы в их традиционном жилище (курень, поземная система отопления), мужской и женской одежде, пище и оружии.

Активная колонизация края русским и украинским населением в XVII–XVIII вв. привела к появлению в казачьей культуре средне- и южнорусских и украинских элементов. Так, наряду с куренем на Дону (выше устья Медведицы) получили распространение русские типы жилищ (хаты, пятитенки и пр.), распространились комплексы одежды, характерные для средней полосы и юга России. Южнорусские элементы стали преобладающими в свадебной и календарной обрядности донских казаков. При этом свадебный обряд включал в себя также отдельные северно-русские и украинские элементы. Вместе с тем не находит никаких подтверждений мнение о том, что в обрядности донских казаков имели место северокавказские традиции.

Благодарности

Благодарю Т. Е. Гревцову за консультацию и предоставленные результаты своего исследования свадебного обряда донских казаков.

Библиографический список

- Абдиров М. Ж. Казачество как этносоциальный феномен тюркского мира Евразии // Евразия на стыке веков : материалы Международного симпозиума. Астана, 2002. С. 111–115.
- Богачев В. В. Очерки географии Всевеликого войска Донского. Новочеркасск, 1919. 537 с.
- Золотые россыпи народной песни России. Красноярск : Буква С, 2009. 214 с.
- История Донского казачества: учебник для студентов высших учебных заведений. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ, 2008. 464 с.
- Казачий Дон. Очерки истории. Ч. II. Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ОБИУУ, 1995. 208 с.
- Карпов Ю. Ю. Джигит и волк. СПб., 1996. 312 с.
- Крайсветный М. Культ груши-дички в мировоззрении донского казачества. URL: <http://www/donrise.ru> (дата обращения: 24.05.2022).
- Крайсветный М. И. Элементы культуры северокавказских народов в культуре Донского казачества // Казачество в южной политике России в Причерноморском регионе: тезисы докладов Международной научной конференции. Ростов-на-Дону : ЦВВР, 2006. С. 52–56.
- Лебедева Н. И., Маслова Г. С. Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 193–267.
- Логинов А. Н. «Тюркская струя» в традиционной одежде донских казаков в XVI–XVIII вв. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : материалы VI Международной конференции. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. С. 23–30.
- Логинов А. Н. Костюм донского казачества в XVI–XIX веках. Волгоград : ПринТерра, 2008, 40 с.
- Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 543–767.
- Материалы Этнографической экспедиции ВолГУ. 1987. Т. 1. С. 34–67.
- Мининков Н. А. Донское казачество на заре своей истории. Ростов-на-Дону, 1992, 165 с.
- Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего Средневековья. Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 1998. 512 с.
- П. Памятники старины // Казачий вестник. 1883. № 2.
- Песенное наследие некрасовской казачки Анастасии Захаровны Никулушкиной из поселка Новокумский Левокумского р-на Ставропольского края. URL: <http://www.culture.ru> (дата обращения: 24.05.2022).
- Платонов С. Ф. Очерки истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII веков. М. : Соцэкгиз, 1937. 506 с.
- Полевые записи автора 2011 г. в хут. Донском Азовского р-на Ростовской обл.
- Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону : Изд-во. Ростовского ун-та, 1961, 276 с.

Рудиченко Т. С. Искусство в процессе интеграции Войска Донского в Российское государство // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 215–223.

Рыблова М. А. Календарные праздники донских казаков. 2-е изд. испр. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2016. 168 с.

Рыблова М. А. Статья воином. Традиции социализации юношей и подготовки воинов в донской казачьей общине. Волгоград: Изд-во ВолГУ ; Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2016, 280 с.

Рыблова М. А. Традиционные поселения и жилища донских казаков. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. 242 с.

Рыблова М. А. Экстремалы Дикого поля: основные этапы жизненного пути казака-воина // Мужчина в экстремальной ситуации. М. : Индрик, 2007. С. 207–222.

Рябов С. И. История родного края XVI–XIX вв. Волгоград, 1988, 141 с.

Социально-исторический портрет дельты Дона: казачий хутор Донской / Г. Г. Матишов, Т. Ю. Власкина, А. В. Венков, Н. А. Власкина. Ростов-на-Дону : ЮНЦ РАН, 2012. 216 с.

Сухоруков В. Д. Статистическое описание Земли донских казаков, составленное в 1822–32 годах. Новочеркасск, 1891. 301 с.

Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М. : Весь мир, 2009. 303 с.

Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М., 1968. 245 с.

Фалалеев А. В. Земля Войска Донского и империя. Т. 1: Государственные начала донских казаков (политогенез на территории Поля-Подонья, конец XV–XVII вв.). Волгоград : Издатель, 2011. 246 с.

Щепанская Т. Б. Странные лидеры. О некоторых традициях социального управления у русских // Этнические аспекты власти. СПб., 1995. С. 211–240.

Яковлев Н. Материалы по одежде донских казаков // Этнографическое обозрение. 1916. № 1. С. 53–58.

Munch P. A. Anarchy and anomie in an atomistic community // Man. 1974. Vol. 9. N 2. S. 243–261.

REFERENCES

Abdirov M. Zh. Kazachestvo kak etnosocial'nyj fenomen tyurkskogo mira Evrazii [Cossacks as an Ethnosocial phenomenon of the Turkic World of Eurasia]. *Evrasiya na styke vekov. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma* [Eurasia at the turn of the century. Materials of the international symposium]. Astana, 2002. S. 111–115 (in Russian).

Bogachev V. V. *Ocherki geografii Vsevelikogo vojska Donskogo* [Essays on the geography of the All-Great Don Army]. Novocherkassk, 1919, 537 s. (in Russian).

Zoloty rossypi narodnoj pesni Rossii [Golden Placers of Russian Folk Song]. Krasnoyarsk : Izd-vo BukvaS, 2009, 214 s. (in Russian).

Istoriya donsokogo kazachestva. Uchebnik dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij [The history of the Don Cossacks. Textbook for students of higher educational institutions]. Rostov-na-Donu : Izd-vo YuFU, 2008, 464 s. (in Russian).

Kazachij Don. Oчерki istorii [Cossack Don. Essays on history]. Ch. II. Rostov-na-Donu : Izd-vo Rostovskogo OBIUU, 1995, 208 s. (in Russian).

Karpov Yu. Yu. *Dzhigit i volk* [The Horseman and the Wolf]. SPb., 1996. 312 s. (in Russian).

Krajsvetnyj M. *Kul't grushi-dichki v mirovozzrenii donskogo kazachestva* [The cult of the wild pear in the worldview of the Don Cossacks]. URL: [http:// www/ donrise.ru](http://www.donrise.ru). 24.05.2022 (in Russian).

Krajsvetnyj M. I. *Elementy kul'tury severokavkazskih narodov v kul'ture donskogo kazachestva* [Elements of the culture of the North Caucasian peoples in the culture of the Don Cossacks]. *Kazachestvo v yuzhnoj politike Rossii v Prichernomorskom regione. Tezisy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Cossacks in the southern policy of Russia in the Black Sea region. Abstracts of the International scientific conference]. Rostov-na-Donu : Izdatel'stvo «CVVR», 2006. S. 52–56 (in Russian).

Lebedeva N. I., Maslova G. S. *Russkaya krest'yanskaya odezhda XIX — nachala XX v.* [Russian peasant clothing of the XIX — early XX century]. *Russkie. Istoriko-etnograficheskij atlas* [Russians. Historical and Ethnographic Atlas]. M., 1967. S. 193–267 (in Russian).

Loginov A. N. “Tyrkskaya struya” v tradicionnoj odezhde donskih kazakov v XVI–XVIII vv. [The “Turkic stream” in the traditional dress of the Don Cossacks in the XVI–XVIII centuries]. *Rossiya i Vostok: problemy vzaimodejstviya : Materialy VI Mezhdunar. konf.* [Russia and the East: Problems of interaction: Materials of the VI International Conference]. Volgograd : Izd-vo VolGU, 2003. S. 23–30 (in Russian).

Loginov A. N. *Kostyum donskogo kazachestva v XVI–XIX vekah* [Costume of the Don Cossacks in the XVI–XIX centuries]. Volgograd : Izd-vo PrinTerra, 2008. 40 s. (in Russian).

Maslova G. S. *Narodnaya odezhda russkih, ukraincev i belorusov v XIX nachale XX v.* [Folk clothes of Russians, Ukrainians and Belarusians in the XIX — early XX century]. *Vostochnoslavjanskij etnograficheskij sbornik. Oчерki narodnoj material'noj kul'tury russkih, ukraincev i belorusov v XIX — nachale XX v.* [East Slavic ethnographic collection. Essays on the folk material culture of Russians, Ukrainians and Belarusians in the XIX — early XX century]. Moskva : Izd-vo Akademii nauk SSSR. S. 543–767 (in Russian).

Materialy Etnograficheskoy ekspedicii VolGU [Materials of the Ethnographic expedition of the VolGU], 1987. T. 1. S. 34–67 (in Russian).

Mininkov N. A. *Donskoe kazachestvo na zare svoej istorii* [Don Cossacks at the dawn of their history]. Rostov-na-Donu, b. izd., 1992. 165 s. (in Russian).

Mininkov N. A. *Donskoe kazachestvo v epohu pozdnego Srednevekov'ya*. [Don Cossacks in the Late Middle Ages] Rostov-na-Donu : Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1998, 512 s. (in Russian).

P. Pamyatniki stariny [Monuments of antiquity] // *Kazachij vestnik* [Cossack Messenger]. 1883. № 2 (in Russian). 506 p.

Pesennoe nasledie nekrasovskoj kazachki Anastasii Zaharovny Nikulushkinoj iz poselka Novokumskij Levokumskogo r-na Stavropol'skogo kraja [The song heritage of the Nekrasov Cossack Anastasia Zakharovna Nikulushkina from the village of Novokumsky in the Levokumsky district of the Stavropol Territory]. URL: [http: www. culture.ru](http://www.culture.ru). 24.05.2022 (in Russian).

Platonov S. F. *Ocherki istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vekov* [Essays on the history of the Troubles in the Moscow state of the XVI–XVII centuries]. M. : Socekgiz, 1937. 506 s. (in Russian).

Polevye zapisi avtora 2011 g. v hut. Donskom Azovskogo r-na Rostovskoj obl. [Field notes of the author 2011 in hut. Donskoy of the Azov district of the Rostov region] (in Russian).

Pronshtejn A. P. *Zemlya Donskaya v XVIII veke* [Don Land in the XVIII century]. Rostov-na-Donu : Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1961, 276 s. (in Russian).

Rudichenko T. S. *Iskusstvo v processe integracii Vojska Donskogo v Rossijskoe gosudarstvo* [Art in the process of integrating the Don Army into the Russian state]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 4. History. Regional studies. International relations]. 2019. T. 24. № 4. S. 215–223 (in Russian).

Ryblova M. A. *Kalendarnye prazdniki donskih kazakov* [Calendar holidays of the Don Cossacks]. 2-e izd. ispr. Volgograd : Izd-vo VolGU, 2016, 168 s. (in Russian).

Ryblova M. A. *Stat' voynom. Tradicii socializacii yunoshej i podgotovki voynov v donskoj kazach'ej obshchine* [Become a warrior. Traditions of socialization of young men and training of soldiers in the Don Cossack community]. Volgograd : Izd-vo VolGU; Rostov-na-Donu : Izd-vo YUNC RAN, 2016. 280 s. (in Russian).

Ryblova M. A. *Tradicionnye poseleniya i zhilishcha donskih kazakov* [Traditional settlements and dwellings of the Don Cossacks] Volgograd : Izd-vo VolGU, 2002. 242 s. (in Russian).

Ryblova M. A. *Ekstremaly dikogo polya: osnovnye etapy zhiznennogo puti kazaka-voina* [Wild field extremals: the main stages of the Cossack warrior's life path]. *Muzhchina v ekstremal'noj situacii* [A man in an extreme situation]. M. : Izd-vo "Indrik", 2007. S. 207–222 (in Russian).

Ryabov S. I. *Istoriya rodnogo kraya XVI–XIX vv* [The history of the native land of the XVI–XIX centuries]. Volgograd, 1988, 141 s. (in Russian).

Social'no-istoricheskij portret del'ty Dona: kazachij hutor Donskoj [Socio-historical portrait of the Don Delta: Donskoy Cossack farm] / G. G. Matishov, T. YU. Vlaskina, A. V. Venkov, N. A. Vlaskina. Rostov-na-Donu : Izd-vo YUNC RAN, 2012, 216 s. (in Russian).

Suhorukov V. D. *Statisticheskoe opisanie Zemli donskih kazakov, sostavlennoe v 1822–32 godah* [Statistical description of the Land of the Don Cossacks, compiled in 1822–32]. Novocherkassk, 1891, 301 s. (in Russian).

Turner F. Dzh. *Frontir v amerikanskoj istorii* [The Frontier in American History]. M. : Ves' mir, 2009. 303 s. (in Russian).

Tipy sel'skogo zhilishcha v stranah zarubezhnoj Evropy [Types of rural housing in foreign European countries]. M., 1968. 245 s. (in Russian).

Falaleev A. V. *Zemlya Vojska Donskogo i imperiya. T. 1. Gosudarstvennye nachala donskih kazakov (politogenez na territorii Polya-Podon'ya konec XV–XVII vv.)* [The land of the Don Army and the Empire. Vol. 1. The state beginnings of the Don Cossacks (politogenesis on the territory of the Field of the Don region at the end of the XV–XVII centuries.)]. Volgograd : Izdatel', 2011. 246 s. (in Russian).

Shchepanskaya T. B. Strannye lidery. O nekotoryh traditsiyah social'nogo upravleniya u russkih [Strange leaders. About some traditions of social management among Russians]. *Etnicheskie aspekty vlasti* [Ethnic aspects of power]. SPb., 1995. S. 211–240 (in Russian).

Yakovlev N. Materialy po odezhde donskih kazakov [Materials on the clothing of the Don Cossacks]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 1916. № 1. S. 53–58 (in Russian).

Munch P. A. Anarchi and anomie in an atomistic community. *Man*. 1974. Vol. 9. N 2. S. 243–261 (in English).

Статья поступила в редакцию: 25.04.2022.

Принята к публикации 30.08.2022.

Дата публикации 30.09.2022.